

София Лоренцо

Карина

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-311.3
ББК 84(2)6
Л78

Лоренцо С.

Карина / С. Лоренцо — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2020. —
157 с.

ISBN 978-5-532-06069-2

Эта книга о судьбах двух эмигрантов: пожилого испанского профессора с итальянскими корнями и молодой девушки из России Карины (с итальянского "мое сокровище"), случайно встретившихся в Берлине. Им обоим по определенным причинам пришлось эмигрировать со своей родины и через многое пройти, чтобы найти себя в новом, "чужом" мире. На этом пути они встречаются как родственную душу, так и настоящую страсть. Книга переносит нас в путешествие по Чили, знакомит с пирамидами Мексики, показывает изюминки Германии и романтику гор Северного Кавказа. Карина — это собирательный образ молоденьких девушек, эмигрировавших в жестокие девяностые за границу.

ISBN 978-5-532-06069-2

© Лоренцо С., текст, 2018
© Omiko Trading LTD., оформление, 2020

Моей любимой сестре посвящается.

Пусть этот мир всегда заботится о тебе, и невидимая
рука ведет тебя по дороге праведности, счастья и
справедливости.

Он

«Она была окошечком, крошечным светлым отверстием в темной пещере моего страха. Она была спасением, путем на волю. Она должна была научить меня жить или научить умереть, она должна была коснуться своей твердой и красивой рукой моего окоченевшего сердца, чтобы оно либо расцвело, либо рассыпалось в прах от прикосновения жизни.»

Герман Гессе. «Степной волк»

Я познакомился с ней совершенно случайно. В тот вечер я возвратился в отель после одного торжественного официального приема, на котором, как обычно, давали много несбыточных обещаний, вели беседы ни о чем и были вежливы по поводу и без. Я очень устал от этих показушных пустых разговоров и просто хотел лечь спать. Было уже достаточно поздно.

Она стояла за стойкой администратора и выдавала ключи от номера. Когда я ее увидел, меня поразил отпечаток усталости на лице и какая-то загадочная грусть во всем ее облике. Но также меня поразили ее огромные зеленые глаза, которые сразу меняли первое впечатление. В них горел огонь внутренней силы и жизненной мудрости. Я понял, что передо мной стояла женщина, которая может понять меня с полуслова. Огонь в ее глазах говорил, что дух ее порой можно было согнуть, но сломать его было невозможно. Неожиданно для себя я оказался в плену этой силы и не смог просто взять ключ и уйти. Я заговорил.

«Good evening», было первое ее приветствие на английском. Она говорила с британским акцентом. В тот момент я совершенно не мог себе представить, что она могла быть из России. В ее внешности не было ничего типично русского. Только длинные каштановые волосы, собранные на испанский манер, немного говорили о славянских корнях. Сразу же, когда она узнала, что я живу в Испании, мы, к моему удивлению, перешли на испанский. Мы едва успели обменяться парой фраз, как вдруг погас свет. В прекрасно организо-

ванном берлинском мегаполисе такое случается очень редко. Немцы обычно добросовестно следят за порядком во всем. По неизвестным причинам без света остался весь квартал. В отеле включилось экстренное освещение и среди некоторых постояльцев возникла паника. Они спускались из номеров к администратору и задавали возможные и невозможные вопросы. Она старалась всех успокоить и пыталась прояснить ситуацию. У меня появился повод остаться возле нее на следующие пару часов, а, как потом оказалось, на несколько лет...

Наш первый разговор продолжился в длинной цепочке разговоров, которые мы вели в самых неожиданных местах: ночью, сидя на полу в отеле в Вене, на кухне моей квартиры в Мадриде, в еврейском квартале в Париже, в российском посольстве в Берлине... Только к ней, в Россию, я так и не смог доехать. Русские всегда находили повод, чтобы не дать мне визу. Это было связано с моей профессиональной деятельностью.

Для себя я назвал ее Кариной (с итальянского *carina* – дорогая, также в переносном смысле – мое сокровище), потому что для меня она стала самой дорогой на свете. Я знал, что мое время уже ушло, что разница в возрасте более тридцати лет. Наши семьи, мои дети и обстоятельства никогда не позволили бы нам быть вместе, но когда в тот вечер я посмотрел в ее глаза, я не смог просто взять и уйти. Чувства захлестнули меня и оттеснили все доводы рассудка, которые пытался прокричать мой все анализирующий мозг.

Каждый раз, когда я заговаривал с ней, понятие времени, возраста, да и всего на свете для меня исчезало. Существовала только она и ее обаяние. Оно поглощало меня с головой и не давало закончить нашу историю, которая в действительности существовала только в моем воображении. Остановиться я был уже не в силах.

В тот первый вечер мы проговорили много часов напролет. Оказалось, что мы были в чем-то коллегами. Она только училась в университете по той специальности, по которой я уже был маститым профессором. Мы шутили на предмет нашей общей науки, шутили о жизни. Одинаковое чувство юмора придавало особенный оттенок нашим разговорам. Иногда я вспоминал некоторые его детали уже

спустя несколько дней после разговора и смеялся от души, вспоминая наши общие шутки. В тот вечер мне расхотелось спать, однако, вскоре я решил уйти. Не хотелось показаться назойливым. Я уезжал на следующий вечер. Прощай, Карина, прощай, Берлин, прощайте, мечты... Я и не надеялся увидеть ее в другой раз и приложил все усилия, чтобы мы встретились на следующий день.

Я сидел у окна в старинном кафе на берегу Шпрее и пил виски, чтобы набраться храбрости и сказать ей, что не могу себе позволить увидеть ее сегодня в последний раз. Я уже понял, что должен был видеться с ней снова и снова. Был серый весенний берлинский день. Сыро и неуютно. Затянутое бесцветными облаками небо и витающая в воздухе пробирающая до костей влажность портили настроение. Ее улыбка при входе в кафе осветила всю улицу и мое сердце. Сразу стало тепло и уютно. Да и виски сделал свое дело. Ее синее весеннее пальто до колен и красный с синим шарф, ее зеленые глаза и каштановые волосы напомнили мне цвета рисунков Марка Шагалла. Мы мило поздоровались. Она села напротив и заказала чай с круассанами. Так началась моя с ней история...

Тогда ей было всего лишь 24, но по моим ощущениям между нами не было никакой разницы в возрасте. Ее дух был настолько крепок и зрел, что у меня иногда возникало чувство, будто она старше меня. Все дело в истории ее жизни. Карина рассказывала мне много о себе, история ее жизни поражала меня каждый раз все больше и больше. Она никогда не жаловалась на свою жизнь. Просто рассказывала, когда возникал повод или когда я задавал ей вопросы. За свои двадцать с небольшим она уже пережила столько, сколько многим не доводилось повидать за всю долгую жизнь. Больше всего меня поразила история о том, что привело ее в Европу и оставило здесь. Тогда для меня слово «Россия» ассоциировалось с понятием «темный лес». Из-за работы мне, естественно, приходилось сталкиваться с русскими. Но я никогда тесно с ними не общался, как-то не приходилось. Я начал открывать для себя новый мир, начиная с русской меланхолии, выражающейся уже в тональности «ля минор», с трагичности бытия и заканчивая огромным теплым русским сердцем, согревавшим меня везде и повсюду, независимо от того, сколько вре-

мни проходило между нашими встречами. На всех, кто не знал ее истории, она производила впечатление успешной молодой девушки с хорошим образованием, из замечательной семьи. Многие завидовали ей, думая, что ей все давалось очень легко и просто. Она улыбалась и ничего на это не отвечала. Только тень глубокой печали на мгновение пробежала по ее лицу.

В принципе, было абсолютно неважно, что я был итальянец, проведший большую часть своей жизни в странствиях и осевший в конце концов в Мадриде. Мой старший сын, когда был еще совсем маленьким, сообщал с гордостью своим сверстникам, что его отец работает в аэропорту. Он сделал этот вывод, потому что ему вместе с матерью постоянно приходилось встречать или провожать меня там. А Карина была русской, она тоже искала свое счастье в испаноговорящих странах и нашла свой приют в Берлине. Мы оба были странниками, встретившимися на пути туда, куда в начале нашего знакомства мы и не представляли себе дойти. Наши жизни были похожи на движущийся поезд. На станциях по пути следования в поезд заходили временные пассажиры, сопровождавшие нас какое-то время в пути. Затем они выходили на тех станциях жизни, где, по их мнению, было их настоящее место. Заходили новые. Движение продолжалось. Я, так же, как и она, надеялся выйти когда-то на своей, только для меня предопределенной станции и остаться там навсегда. Итак, мы стали пассажирами одного и того же поезда жизни, несущего нас, как нам казалось, к назначенной цели.

* * *

Я встретил ее на том этапе моей жизни, когда мой второй сын только родился, а моя «вторая половина», как ее потом называли в суде, заболела раком и была не в состоянии заботиться о детях. Тогда еще я сам не осознавал, что болезнь, как правило, нам дается, чтобы что-то понять в жизни, чтобы осознать, что мы делаем не так, чтобы повернуть свой корабль в правильное жизненное русло и плыть не к туманному миражу, куда мы держали курс, чуть не разбившись о скалы, а к своему берегу. В случае же с моей «второй половиной»

все произошло наоборот. Она обозлилась на мир, стала капризной и вела себя по отношению ко мне и детям просто невыносимо, как это к сожалению случается со многими в болезненном состоянии. Очень часто вместо того, чтобы заняться самим собой и осознать, что делаешь неправильно, люди начинают искать «внешнего виновника». А когда найдут жертву, начинают вымещать на ней все свое недовольство и пытаются сбежать от осознания своих собственных жизненных ошибок. Гораздо легче сказать, что кто-то виноват, чем поработать над собой. Внутренняя работа подразумевает осознание и признание своих собственных ошибок. Эта ситуация осложнялась еще и тем, что из-за моего высокого поста международного уровня мне приходилось постоянно уезжать в командировки и поэтому я не мог ежедневно участвовать в жизни моей семьи. В итоге той самой жертвой выбран был я.

Моя «вторая половина» была из очень богатой испанской семьи, которой принадлежало много недвижимости и антикварных ценностей. Но, как это было не парадоксально, ей всегда всего было недостаточно в материальном плане. Когда она потом ушла от меня, то забрала практически все: мой мерседес, мои ценные картины в оригинале, сняв их со стен моей квартиры, деньги и все, что смогла унести с собой. В начале я пытался сопротивляться, но она пригрозила, что навсегда заберет детей. По испанским законам это наверняка могло случиться, поэтому я смирился со своей судьбой и решил идти по пути наименьшего сопротивления.

Вообще-то я не хотел иметь детей: не потому что я их не любил, я просто настолько серьезно к этому относился, что боялся совершить какую-то ошибку. Я все время спрашивал себя, смогу ли я стать настоящим отцом, дать все то, что было нужно ребенку. Этот страх полностью меня сковывал. Я был профессионалом по уходу за женами и подругами моих друзей. С моей внешностью у меня никогда не было проблем с женщинами. Итальянский темперамент и необычное чувство юмора всегда привлекали ко мне красоток. Среди женщин я был знаменит своей нежной кожей, которую они называли женской и тем, что я мог вытворять с ними в постели. Однако, я не мог представить своего ребенка ни с одной из них. Я очень следил за тем,

чтобы этого не произошло, поэтому мой первый сын родился, когда мне уже было 54 года. Мой первый ребенок. Это случилось только потому, что, уведя у моего очень хорошего друга его женщину, я не мог не сдаться ее уговорам иметь ребенка. Мой возраст и чувство вины из-за друга сказали мне: «Сейчас или никогда». Поэтому я сдался. Наверное, из-за того, что я слишком все идеализировал, Бог сыграл со мной злую шутку, и жизнь предоставила мне мать моих детей, абсолютно противоположную той, которую я им желал. Она страстно хотела родить. В ее 32 года это было уже «самое время». Дети были тем, чего от нее хотело общество и ее родственники. Я не думаю, что она действительно желала этого в глубине души. Перебив чужие идеи, она надела их на свою жизнь, как маску, под которой скрыла свою неспособность заботиться о других и идти на компромиссы. Вся ее жизнь была просто декорацией для окружающего общества. Родив, она абсолютно не могла обращаться с детьми. Уже в роддоме я стал сам пеленать и ухаживать за ними, а она своим безразличным поведением шокировала няnek и медсестер. Так началась жизнь обоих моих детей. Отец автоматически стал еще и матерью. Но я не жаловался на жизнь. Наоборот. Дети стали моей отдушиной. Единственно, что меня угнетало, было то, что мое время утекало. Я хоть и выглядел моложе своего возраста, время брало свое. Иногда бессонными ночами, я лежал в кровати и думал о том, что не успею дать моим детям все то, о чем мечтал. Когда же я встретил Карину, то увидел в ней все, чего мне так не хватало в женщине, которая была матерью моих детей.

* * *

Я часто думал о том, в чем же была причина моей странной жизни, что привело меня туда, где я был сейчас и физически, и эмоционально. А начиналось все с корней – с семьи моих родителей. Мой отец во времена Муссолини стал не на «ту сторону» и после победы над фашистской Германией и фашизмом в Италии ему пришлось бежать в Бразилию, чтобы не попасть под нож победителей. К счастью, в его голове были не только фашистские идеи, но и ком-

мерческие. У отца было 12 братьев и сестер, которые разбрелись по всему свету. В те времена Бразилия не была земным раем, и мы через полгода переехали в Аргентину, где уже обосновались два моих дяди. В течение полугода я ходил в бразильскую школу, вообще не зная португальского, и был вынужден объясняться на пальцах с этим абсолютно новым для меня миром. Когда я уже почти нормально говорил на португальском, меня вырвали из этой среды и бросили в новую, испаноговорящую, где пришлось повторить ту же историю с самого начала. Но в моем тогдашнем возрасте я быстро учился, и в общем это помогло мне быстро подстраиваться под новые обстоятельства.

Мой отец открыл свою фабрику в Буенос Айресе. Убегая из Италии после победы над фашизмом, он, естественно, забрал с собой все нажитое и награбленное. Деньги были. Его фабрика пошла в рост, и после эмоционального кризиса из-за «неправильных политических идей» и вынужденной смены не только страны, но и континента, единственной отдушиной в жизни для него стала работа. Родив троих детей, он был рад, что его жена была занята отпрысками и, пока он давал ей деньги, не высказывала никаких особых желаний. Он выполнял все ее капризы, потому что просто хотел, чтобы она оставила его в покое и не мешала заниматься делом. Дети были лишь приложением к его жизни. Их можно было демонстрировать в обществе, но в действительности они мало его интересовали и были всего лишь способом занять свою жену. Кроме денег я особо ничего и не получал от своего отца. Он редко бывал дома и давал денег столько, сколько надо, лишь бы не заниматься вопросом, на который просили деньги.

В душе я ненавидел свою мать. Она была эмоционально холодной женщиной и поэтому, демонстрируя свои эмоции, часто перегибала палку, стараясь всем доказать, что она полна эмоциями. Будучи очень интеллигентной и образованной, она выбрала жизнь, где все крутилось только вокруг ее мужа. Она абсолютно себя не реализовывала. Она была просто женой, и все. Я не мог ей простить этого. Постоянно отсутствующий и все время занятый, не интересующийся детьми отец в комбинации с живущей по течению, сюсюка-